

Хранитель старых костей

Солнечная длань опустилась в Пески. Ее призрачное касание кажется мягким и приятным. Лёгкая прохлада, вуаль прозрачных занавесок, едва колышущихся, сапфировых, с бордовыми, словно застывшие капли крови, крапинками. Старое существо сидит на потёртой, еще хранящей следы былой роскоши подушке: короткий ворс истерся, синяя краска поблекла, а от обрамлявших ее углы золотистых кисточек остались лишь почерневшие уродливые огрызки. Вокруг куча других подушек всех цветов и размеров: иссиня-черные и желтые, красные и фиолетовые; покрытые изысканными узорами; ворсистые; гладкие; шелковые и атласные, но он всегда сидит на этой старой, побитой жизнью подушке. Такой же, как и он сам.

Солнечная длань вступает в свои законные права: она полностью накрыла пустыню. Вокруг, сколько хватает глаз, приятный золотой, с багряным отливом рассвета, песок. А неизмеримо далеко, кажется – на другом краю мироздания, море песка обрамляет едва заметная тёмная полоса гор, прослойка между двумя безднами: небом и замлей. Горы можно увидеть только на рассвете и на закате: днём они утопают в сиянии, таком сильном, что глазам невыносимо смотреть ни на холодное, пронзительно-голубое небо, ни на пылающие дюны. Поэтому он любит смотреть на мягкий утренний песок. Совсем скоро солнце станет горячим: оно напитает своим светом и жаром всю пустыню, и каждая песчинка станет провозвестником небесного светила на земле.

Он понял это давно, наблюдая за каждым рассветом в течение многих лет. Как понял и то, что каждый новый день, какими бы одинаковыми они не казались, разительно отличается от другого. Не бывает двух одинаковых дней, и это постигаешь только изо дня в день, из года в год, наблюдая за пустыней, за древними волнами золотого песка. Так учишься замечать и ценить малейшие изменения Мира.

Хранитель Старых Костей – древний старик. Он короткого роста, но крепко сложен; кисти и ступни кажутся неестественно большими на фоне исхудавшего старческого тела и истончившихся запястий. Руки, хоть и несуразно велики, выглядят красиво: сильные пальцы с большими шишкообразными костяшками, длинные ухоженные ногти, и толстые вены под иссеченной песками времени и зноем прожитых лет кожей. Тёмной, дряблой, но даже в ней есть какая-то величественная красота. Лицо старика, сплющенное и чуть

вогнутое внутрь, словно здоровый громила обхватил череп руками, и сильно сдавил. Глубокие ущелья морщин покрывают лоб, когда старик думает, и почти разглаживаются, когда он пуст и умиротворен, как сейчас: они превращаются в спокойные волнистые борозды. Очень длинный и несуразно большой нос ровно посередине разделен бороздой, а из левой ноздри вьется жиденькая прядка волос. Старик имеет привычку облизывать сухие растрескавшиеся губы, и касаться языком волос, растущих из носа. При этом его челюсть ходит ходуном, вместе с облезшей козлиной бородкой, сплетенной из прядей жестких чёрных и седых волос. Конец бородки чуть топорщится, а иногда старик завивает его наверх. Венчает голову синий тюрбан, в котором Хранитель Старых Костей больше похож на джина из старых сказок, нежели на человека из плоти и крови.

Каждый новый день он встречает, устремив свои застывшие, но не износившиеся, не замутненные и не пожелтевшие от старости глаза, с глубокими иссиня-черными, словно бездна океана, словно занебесный эфир, зрачками. Он любит рассветный песок.

Зашелестела занавеска. Бесшумно, словно ночной дух, внутрь обширного зала, вошла женщина, с ног до головы замотанная в грязное, выцветшее на солнце, потемневшее от пыли и песка тряпье. Снаружи видны только прелестные тонкие ручки, и глаза – такие же бездонно-синие, как у старика.

- Джали, зачем ты тревожишь меня в час утреннего созерцания? – хранитель произнес слова без какой-либо эмоциональной окраски, медленно и тихо, ни один лишний мускул на его лице не дрогнул. Можно было подумать, что говорит каменный истукан.

- Гости, хозяин, со стороны южного хребта идут двое. Они направляются сюда – ответила девушка.

- В пустыне? – что-то внутри старика подпрыгнуло, он обернулся и пристально поглядел на Джали, нижняя губа чуть подрагивала – Но там же... - старик помолчал, в голове его тяжело шевелились занесенные песками одиночества мысли, не в силах даже приподнять хоть одну из них, он хрипло, на одном дыхании гаркнул – невозможно!

- Господин – все с тем же неумолимым спокойствием продолжила девушка - я сама их видела на ближних дюнах.

Старик уже не слушал, он вскочил, подобрав полы синего халата, и с яростной бодростью вышел в спокойную величественную пустыню, которую умиротворенно созерцал несколько мгновений назад, сбежал по тёмным ступеням, высеченным в теле красной скалы, вниз, на небольшую скальную платформу метрах в пятнадцати над песком.

- Смотрите левее господин, чуть ниже того скального шпиля – донесся сверху голос девушки.

- Не смей командовать мне, негодное мракобесие! О, проклятье на старые кости твоего отца и отца твоего отца! – разошелся старик, и сердито топнул ногой. Но посмотрел: долго его холодные глаза бороздили кровавый песок, пока, наконец, не уловили движение: две черных, едва заметных точки.

- И как только пески не поглотили этих безумцев? – скрипуче ломая слова и задыхаясь, пробормотал старик – Клянусь своей бородой... - он постоял несколько секунд, раздумывая - Джали!

- Да господин – все с тем же невозмутимым спокойствием повиновалась женщина, которая безмолвной тенью стояла за его спиной.

- Приведи их ко мне. Рассвет застал путников без укрытия – хранитель цокнул языком – я не позволю Пустыне поглотить их кости.

Солнце уже давно поглотило Пустыню. Старик расхаживает по прохладному залу среди раскиданных подушек, среди настенных ковров и чашечек с ароматическими зельями и благовониями: они лишь на первый взгляд расставлены хаотично, на самом деле существует строгий гармоничный порядок. В центре зала, у самого пола, расположена широкая золотая чаша с небольшим углублением в самом центре, внутри лежит горстка пепла. Чаша подвешена цепями к металлическим крючьям, торчащим из сводчатого глиняного потолка. Окон нет, только три широких арки, три выхода, занавешенные изысканными полупрозрачными занавесками. Два из трёх ведут в Пустыню.

Старик все ходит, иногда остановится, оближет губы, разгладит бороду, и дальше. Давно забыл он об искусстве ожидания, ибо в бесконечном созерцании нечего ждать.

Давно он забыл об искусстве жить, ибо в бесконечном созерцании можно лишь слиться с песком.

Послышались шаги, и внутрь вошли чужеземцы, ведомые Джали. Девушка шла легко, словно вернулась с прогулки в саду. Путники выглядели ужасно: оборванные, грязные, с торчащими прядями слипшихся, серых от песка, волос. Один - слишком светлый для жителя пустыни, его лицо покраснело на солнце, но он, несмотря на усталость, держался гордо, а одежда носила следы былой роскоши: на светлом просторном одеянии прослеживалась золотая вязь узора, состоявшего из симметричных квадратиков. Путник одним движением размотал полотенце, закрывавшее голову, поднял усталое лицо, черты были правильными, красивыми, а волосы - чёрными как смоль и кудрявыми. Глаза его – два тлеющих тёмных уголька, полная противоположность холодным глазам старика.

Второй путник – сгорбленный маленький уродец с длинным носом, торчащим из-под надвинутого по самые глаза капюшона, едва держится на ногах. Как только он вошел, вслед за первым, то тут же со стоном повалился на пол.

Несколько секунд старик и молодой мужчина молча смотрят друг на друга. Юноша, изысканным жестом, впрочем, выказавшим и его усталость, и слабость, поклонился в пояс. Старик лишь склонил голову, приложив руку к груди.

- Я, Саид Хир Амад, пятый сын шейха славного города Али-Ата, прошу тебя, почтенный старец, принять меня и моего слугу в своем жилище. Позволь нам переночевать, преломить с тобой хлеб и восславить Всевышнего Алла, ибо Он завещал нам законы гостеприимства.

- Я, Хранитель Старых Костей, забывший свое имя, принимаю тебя, Саид Хир Амад, пятый сын шейха славного города Али-Ата, и твоего слугу, в свое скромное жилище. Я разделю с тобой хлеб, вино и воду, как и... - старик на минуту замер - ...угодно Всевышнему – хранитель закончил ритуальную формулу, все еще хранившуюся в его отполированной песками времени памяти.

- Спасибо тебе, Хранитель Старых Костей – молодой человек еще раз поклонился, чуть пошатнувшись назад. Старик стоял молча, в голове его ворочались титанически неподъемные шестерни мыслей, которые все больше и больше приходили в движение.

- Прошу за мной, дорогие гости – хранитель подошел к одному из ковров на полу, нагнулся, ухватился за зеленые кисточки и оттащил его. На полу обнаружилось небольшое круглое отверстие. Старик, опершись руками об пол, опустил ноги вниз, пока не нащупал ступеньку. Так он стоял в яме по пояс

- Джали, дорогая – голос старика стал елейным, и неестественно дрогнул – зашторь здесь всё, а потом возвращайся к нам, да приоденься, как подобает при гостях.

Джали только кивнула и вышла на улицу, чтобы повесить все выходы в пустыню плотной тканью, так прохлада сохраняется куда лучше, внутрь не попадает песок, а занавески остаются целыми.

- Прости, почтенный старец – начал юноша, склонившийся над уродцем - мой слуга очень дорог мне, мы многое прошли вме... - голос постоянно срывался в хрип из-за пересохшего горла, он достал из набедренной сумки почти опустевший бурдюк, и опрокинул, сделав несколько больших глотков – ... прости, мы с Вази прошли через многое вместе, позаботьтесь и о нем. Пожалуйста – юноша провел рукой по лицу своего слуги, что-то шепнул ему на ухо, и поднялся.

- Понимаю – кивнул старик, окинув холодным взглядом лежащего без сил горбуна – Джали! – крикнул он громче, чтобы девушка услышала его снаружи - Когда закончишь, помоги слуге нашего гостя – и голова старика скрылась в дыре.

Сын шейха, еще раз огляделся вокруг, задержав взгляд лишь на золотой чаше, последовал за хранителем. Возможно, он сомневался, и в душе опасался старика, но тревога отошла так далеко, а все происходящее казалось чем-то нереальным, бредом или сном. Последние мыслительные силы ушли на ритуальное приветствие и показную гордость, а теперь осталась только зыбкая пелена, притупляющая любые мысли, бесконечная усталость, и чувство, словно сознание отделилось от тела, которое теперь действует само по себе, одержимое каким-то эфирным духом.

Они спускались в темноте по крутой каменной лестнице в узкой вертикальной пещерке, где едва хватало места для одного человека. Саид постоянно запинаясь, и ударялся головой о каменные выступы, старик же шел уверенно. Казалось, что прохладная тьма забытья поглотила юношу, но впереди, сначала зыбко и неуверенно, забрезжил

тёплый свет, становящийся все сильнее и сильнее, пока принц не начал различать в темноте спину старика, шедшего впереди.

Обитель Хранителя Старых Костей состоит из двух частей: просторного глиняного сооружения сверху, на одной из красных скал-близнецов, и небольшой естественной пещеры внизу, глубоко внутри скалы

Они спустились по каменной лестнице, выходящей в середине стены пещеры, дальше следовал небольшой спуск по выдолбленным прямо в скале углублениям-ступенькам. Пещера эта достаточно велика, чтобы называться просторной, и достаточно мала, для того чтобы быть уютной. Освещают ее несколько золотых чаш, таких же, как наверху. В углублениях чаш подрагивают небольшие, узкие и яркие столбики пламени. Весь высокий потолок пещеры почернел от постоянного чада. У противоположной от входа стены, в обработанной, обмазанной глиной выемке, похожей на поилку для скота, умиротворенно журчит подземный ручеек, пожалуй, самое большое богатство этой пустыни. Наверняка он берет начало в извечных недрах *под-земелья*. Рядом лежит жестяной ковш. В другом краю пещеры, прямо посреди ровной стены сделано углубление: спальное место с единственным покрывалом, и подушкой. Весь пол устлан коврами, ухоженными, но настолько старыми, что ворс почти полностью изгладился. В хаотичном порядке стоят два небольших каменных столика, сделанных из отколотых от скалы плит, и один – медный, с закрученными ножками.

Здесь царит приятная прохлада, запах сырости и специфичный сладковатый дух горящих в чашах огней. Только в ущелье между скалами растёт пустынная колючка Гения, абсолютно белые, словно кости, вьются ее стебли и оплетают каменные выступы. А тонкие, похожие на седые волосы, иглы ядовиты: один неосторожный укол может оказаться смертельным. Старик собирает колючку каждый год, измельчает ее, вываривает, процеживает, вымачивает в ароматических маслах и спрессовывает плотными кубиками. Один такой блок может гореть несколько дней подряд, не переставая. Тепла этот огонь почти не дает, зато хорошо освещает пещеру. А сладковатый запах горячей колючки не может перебить ни одно из масел.

Старик поспешно набрал полный ковш кристально чистой, отдающей синевой глубин, воды. Юноша, ненадолго выйдя из оцепенения, принял питье, и, жадно прильнул, глотая студеною воду. Струйки стекали по губам, по подбородку, и шее. Старик терпеливо

ждал, пока гость напьется, принял ковш, с плескавшимися на дне остатками, обернулся, чтобы поставить его на место.

- Чувствуй себя как дома, Саид Хир Амад – с оттенком торжественности произнес Хранитель, умывая лицо. Не услышав ответа, он обернулся.

Юноша уже спал, свернувшись калачиком, на ровном каменном полу. Занавес горделивости опустился с лица принца: оно разгладилось, стало спокойным, умиротворенным и таким по-детски наивным. Саид приоткрыл рот, всхлипнул, и еще сильнее сжался, обхватив рукой колено.

Джали разбудила принца под вечер, положила рядом чистый халат и приготовила таз с тёплой водой для умывания. Саид только проснулся, и выглядел растерянно, он тупо уставился на девушку, никаких мыслей, он даже не заметил ее нового наряда, в котором Джали была великолепна – сапфировое платье, с открытой верхней частью, и воздушный прозрачный шарфик, кокетливо обернутый вокруг полуобнаженных смуглых плеч. Чистые, свежие тёмные волосы распущены, лежат на плечах и спускаются до самого пояса. Девушка отошла от Саида, который лежал уже не на холодном полу, но среди мягких подушек.

Она поменяла компресс Вази, лежащего неподалеку. Карлик укрыт покрывалом, он спит беспокойно, то и дело переворачивается и вздрагивает. Иногда доносится невнятный стон, или сопение. Подушка, губы и шея Вази – все покрыто белесой паутинкой, а рядом стоит таз с мутной водой: несчастного иногда сотрясают приступы рвоты.

- Его голова перегрелась на солнце – коротко сказала девушка, уловив взгляд Саида, она выжала синюю тряпочку, смочила ее и снова положила ее на лоб карлика – Ничего больше я сделать для него не в силах – девушка встала.

- Как будете готовы, поднимитесь вверх. Хозяин ждет... - Джали не выдержала горящего взгляда принца, который все-таки заметил новый наряд, и потупилась - ... вам

что-то угодно? Простите меня, если что не так – несмотря на видимое смущение, в голосе не прослеживалось никаких эмоций.

- Нет-нет, ничего, все хорошо – принц улыбнулся, и почесал затылок, потом потянулся. В атмосфере чистоты и приятной прохлады вокруг он почувствовал себя ужасно пыльным и грязным. К тому же живот сводило от голода. От всех этих мыслей отвлекали только полуобнаженные девичьи плечи, и небольшая грудь, очертания которой прослеживаются под свободным сапфировым платьем. Не так уж и давно он последний раз видел женщину, но в Пустыне само понятие времени размывается, и несколько недель превращаются в целую вечность.

- Хозяин ждёт вас на ужин, скоро закат, так что - она снова отвела взгляд - поторопитесь, если не хотите пропустить это чудесное зрелище. Это он так просил передать, слово в слово. – Джали резко развернулась, взмахнув тёмными волосами, и проворно забралась на лестницу.

- Постой... - крикнул принц, но девушки уже и след простыл. Немного посидев в тишине, Саид приступил к умыванию.

Сначала из отверстия показалась голова Саида, затем, опершись руками об идеально чистый, без единой песчинки, глиняный пол, он выбрался наружу. Принц был красив в синем халате с желтым подолом и рукавами, мокрые волосы облепили благородное молодое лицо достойного юноши. Саид оказался приятно поражен: вокруг еще не зажжённой чаши стояли разнообразные яства: три небольшие каменные плиты, накрытые скатертями, такими же, как и все вокруг – потрепанными временем, но по-прежнему красивыми. На плитах разложены скудные яства пустыни: сморщенные тёмные шарики, покрытые сахарными кристаллами – вяленые яблоки; груши – чуть побольше, янтарного цвета; сушеный виноград в пяти небольших чашечках, выстроенных в ряд. В каждой свой сорт изюма: в первой - маленькие черные изюминки, похожие на камушки; в третьей - совсем крупные и свежие ягоды; в четвертой - чуть мягкие, коричневого цвета, а в пятой - светлые ягоды с мраморными переливами. Прямо на скатерти выложены в ряд ровные полоски солонины: разное мясо выложено градацией от черного к красному, словно краски заката. Слева и справа от плит ютятся глубокие стеклянные колбы, в каждой – что-то особенное. В одной – тёмная маслянистая, резко пахнущая жидкость, в другой –

кусочки растения, наполовину погруженные в прозрачно-розовый раствор. В зале смешались запахи специй, соусов, благовоний и эликсиров.

Кровавый Закат наложил на все свой отпечаток.

- Прости, что разбудил – старик с трудом перевел взгляд на гостя – я хотел показать тебе этот закат. Ты едва не опоздал, ай-яй-яй... - последний звук хранитель произнес вяло, тихо, словно язык медленно парализовало, и замолчал, погруженный в созерцание.

- Но теперь я здесь – улыбнулся принц, и тоже посмотрел через сапфировую занавеску, на пески. Больше никаких слов, долго, невыносимо долго они смотрят в Закат. Тишина.

Противно и прекрасно. Жарко, душно, от запаха еды свело желудок. Но он смотрит туда же, вслед за стариком, который забыл о существовании принца. Просто забыл, освободил разум, отпустил его в песок.

Кровавое море дрожит. Дюны – его волны. Огненный шар солнца, настолько пресытился людскими страданиями этого мира, что сам превратился в огромный кровавый сгусток. Словно объевшийся кровопийца, Солнце медленно скатывается за далёкий частокол чёрных гор.

Кровавое море колыхается все медленнее. Пустыня заигрывает и смеется, страшно. Страшно. Страшно. Саид видит лица в песке, лица в колышущейся от горячего ветра синей вуали. Лица знакомые и не знакомые, лица мёртвые и живые. Оцепенение, ничего нет, только запах...

Ничего.

Солнце-кровопийца коснулось острого ряда чёрных зубов. Сейчас шар лопнет, и на горы прольется неудержимый и буйный поток крови, расходящийся в реки и ручейки по всему миру.

Там где пало кровавое Солнце

Будут коршуны вечно парить

Легионы озлобленных духов

Кровью кровь попытаются смыть

Наваждение

Запах

Живот

Рука.

Кровавый диск пал окончательно. Кровавое море покойно, темнеет, кровь заката напала песок. Последние отблески играют на лице старика, его лицо – лицо Пустыни, древнее, недвижимое, словно оно тоже сполна напилось кровью заката.

Запах

Я

Здесь.

- Саид...

Плечо

- Саид – старик сильнее тряхнул принца, тот дернул головой, стряхнул пелену, и уставился на хранителя осмысленным взглядом

- Это прекрасно, правда? – старик протяжно вздохнул, и поднялся

Принц только кивнул. Тело словно онемело, и теперь медленно приходило в порядок. Он еще раз бросил взгляд в пески, пошевелил рукой, размял шею.

- Только... - хранитель устроился на синей подушке за своим столиком. За его спиной оказалась третья, все еще плотно занавешенная арка - ... за каждый Закат приходится расплачиваться – он помолчал – частицами Себя. Они безвозвратно утекают в Пустыню, в Пустыню, в Пустыню... - последнее слово старик повторил полупшепотом про себя еще несколько раз.

Принц снова кивнул, мысли едва возвращались к нему. Оцепенение, охватившее все вокруг, понемногу спадало. Саид только сейчас заметил Джали, или она вошла мгновением раньше? Девушка, улыбнувшись ему, взяла юношу под локоть, и усадила на большую красную подушку. Джали была тёплой, но не горячей, как Пустыня, а рука, мимоходом коснувшаяся руки принца – мягкой и нежной. Ее прикосновение окончательно развеяло Закатные чары. Сердце принца застучало чаще, и одна иллюзия сменила другую.

Джали необычайно искусно высекла из огнива сноп искр. Спрессованная колючка гениев начала тлеть. Лёгкий сладковатый дымок взвился к потолку. Робкий огонек, колеблясь, поднялся, и осветил сумерки. Все еще жарко. С каждой секундой темнеет, и на пустыню опускается длань Ночи.

Они сидят втроем вокруг огонька. Молчание. Тени становятся глубже, рельефнее, насыщеннее – лицо старика кажется лицом сурового каменного истукана, нечеловеческой скульптурой, недвижимой и вечной. Глубокие горизонтальные морщины похожи на каньоны, огромный нос – на гору, а глаза – два бездонных омута.

Но Саид не смотрит на старика – только на юную Джали. Они перекидываются взглядами: девушка указала глазами на старика, потом опустила глаза, сидя перед своим столиком. Молчание.

Они едят немного, запивают все прохладным ароматным вином из зеленой бутылки, без каких либо отличительных знаков. Вино превосходное, отдающее ароматом слив, таким чуждым этой пустыне. Наверное, сливы для вина выросли в садах какого-нибудь богатого купца, или даже шейха. Принц подумал, что это вполне могут быть сливы, из сада шейха Мирры Хир Амад, его отца.

Наконец, отправив в рот сушеное яблоко, и медленно пережевывая засахаренный плод, старик поднял взгляд на гостя.

- Саид – хранитель хрипло произнес его имя – расскажи, как ты оказался здесь, в царстве песков. Ни одна – старик замолчал, облизал губы, коснувшись языком прядки волос, выходящей из носа – ни единая живая душа не забредала сюда много, много лет.

Принц несколько минут молча смотрел в свой простой, без всяких изысков, медный кубок, потом ответил:

- Я и сам хотел рассказать. Надеюсь на прощение, я, вопреки заветам всевышнего, не сказал ничего сразу, и, как последняя грязная свинья, воспользовался вашим доверием и гостеприимством.

- Пустыня отнимает много сил, юноша – спокойно ответил старик – я понимаю и прощаю тебя.

- Пожалуйста... - Джали робко глянула на старика, и, не увидев на его лице даже тени неодобрения продолжила - ... расскажи, мне очень интересно.

- В истории моей нет ни чести, ни достоинства, только позор, знаете, мне стыдно, что я был принят в таком достойном доме, так гостеприимно, и... - принц замолчал, сбившись. Посмотрел на Джали, та сочувственно кивнула.

- Ты просил принять тебя, и был принят. – Хранитель не отводил взгляда.

- Да, простите, мысли сбиваются – принц больше смотрел на девушку, немного даже виновато – я, сын шейха Мирры из рода Хир Амад. Наш родовой знак – тигр, хотя эти животные и не живут в городе Али-Ата, ни в его окрестностях. Я - младший сын шейха, потому отец не обращал на меня никакого внимания, а воспитанием благородного Омара, старшего моего брата, занимался лично. – Саид помолчал, собираясь с мыслями - Алла никогда не простит мне того, как неуважительно я обошелся со своим отцом.

- Саид, что, что такого мог ты сотворить!? – Джали подалась чуть вперед, слегка потряхнув свой столик. Но лицо ее не выражало эмоций. Старик только недобро улыбнулся, поглядев на девушку.

- ... сейчас, все расскажу. На меня никто не обращал внимания, как свободный ветер в пустыне...

Старик поднял палец, прервав принца

- Даже ветер здесь не свободен.

Юноша кивнул, и продолжил

- ... я рос сам по себе. Лишь дворцовым учителям было до меня дело, да и то потому, что им за это платили. Но был среди них и достойный человек, научивший меня многому. Но о своем наставнике я расскажу потом, не сегодня – принц замолчал, молчал долго, потупив взор, и ковыряясь, как провинившийся ребенок, в еде. Он не знал как подступиться к своему рассказу, и выбрал самый короткий путь.

- Я соблазнил первую, и красивейшую из жен моего отца – выпалил принц. Джали ахнула, и всплеснула руками, опрокинув чашу с сушеным виноградом. Виноградинки рассыпались на тёмном глиняном полу, под золотой чашей, она принялась их собирать, но старик суровым жестом остановил девушку. Джали виновато села на место, усердно разглядывая свои пальцы.

- Тогда это казалось только игрой – принц смотрел на огонь, вспоминая – чем-то не серьезным, не важным. А теперь... я страдаю за свой поступок на земле, и буду страдать после смерти, всевышний Алла не простит такой дерзости по отношению к отцу.

- Алла милостив – промолвил старик

- Надеюсь - юноша усмехнулся – ее звали Фридой, красивая, молодая, щеки, словно спелые красные персики из наших садов... или яблоки, или вообще груши. Нет, я не ткач слов, не умею говорить красиво. Я играл, может, мне было жаль женщину, вынужденную тратить свою молодость и красоту, да простит меня всевышний за такие дерзкие слова, на моего дряхлого и престарелого отца. Фрида... а что Фрида? Она влюбилась в меня. Эта женщина была такой чистой, и такой честной, что разрывалась между долгом жены шейха, и своими чувствами. Долго продолжались наши тайные и частые свидания – мой отец, из-за преклонного возраста не слишком часто жаловал в гарем. Я представлялся героем, играл, не задумываясь о последствиях, и не обращая никакого внимания на страдания женщины, считал их капризом, пустяком. – Саид снова замолчал, взял полоску соленого мяса, отправил в рот и долго жевал – Наконец – он проглотил последний кусочек мяса - одной ночью, когда шейх решил посетить первую из своих жен, Фриду, она выболтала ему всё. Не знаю... я до сих пор не могу окончательно простить эту женщину. Тем же утром дворцовая стража вытащила меня из моей же собственной постели, и, дав лишь наспех накинуть халат, притащили к отцу. Отец, конечно, был разгневан, он закрывал глаза на многие мои «шалости», как называли это при дворе, но такое... Старый шейх был зол, помню еще, его щека слегка подергивалась. От немедленной казни меня уберегла его

любовь к показному величию, отец решил сыграть в мудрого правителя. Он предложил мне выбор – либо казнь, либо я сражаюсь с первейшим из его воинов: если побеждаю, то забираю Фриду себе, если паду, и останусь в живых, то... смертельное изгнание: в пустыню – принц усмехнулся - конечно, не обязательно было идти прямо сюда, можно было свернуть, уйти в другие земли, начать новую жизнь... но я не ищу окольных путей. Того воина звали Хамуд Абн Хабиб, с виду обычный мужчина, очень тёмный, вот и всё. Я смеялся. Но куда мне, глупому юнцу, против Мастера? Он орудовал двумя широкими клинками, и погромсал моё тело – юноша невольно притронулся к груди – Думаю, это отец приказал ему не убивать меня – Саид вздохнул и прибавил, фальшиво и устало – и да продлит Алла годы его за проявленное милосердие.

Джали, присевшая поближе, мягко положила ладонь на напряжённую, сжатую в кулак, руку принца. Юноша расслабился, прикрыл глаза, посмотрел на Джали. Девушка улыбнулась ему.

- Ну... - вздохнул Саид - ... месяц меня лечили лучшие целители города, все эти смердящие мази, бинты, зелья. Лечили, чтобы отправить в Пустыню. Я очень злился на Фриду – юноша глянул на Джали, словно проводя сравнение - хотел даже пробраться ночью в ее покои, и вонзить клинок в грудь предательницы. Хорошо, что не сделал глупости: за мной постоянно наблюдали люди шейха. А когда полностью окреп – снарядили и отправили в Последний Путь, не дав ни с кем попрощаться. Вели до самой границы, и оставили у подножья тех черных гор, что видны на горизонте, вблизи они такие же чёрные и пустые, голые камни. Тогда было тяжелее всего, я страшно колебался, после всей роскоши и вседозволенности попасть в такое место. Со мной было шестеро слуг и два верблюда с припасами: вода, пища, одежда, раскладные шатры, и все самое необходимое в пути. Да, было тяжело, да, хотелось бежать, но я принял решение – идти в Пустыню, как и велено, ибо... за все нужно платить, так?

- Так – кивнул старый Хранитель

- Слуги долго убеждали меня вернуться, но внешне я был непреклонен. Признаюсь, они едва не склонили меня к бегству. А на третью же ночь попытались прирезать на ночлеге, и если бы не верный Вази, предупредивший о заговоре, лежать бы мне с кинжалом в спине очень далеко отсюда. Ночью, убедившись, что я сплю, предатели вошли в мой шатёр, и с кинжалами кинулись на меня... точнее, они думали, что нападают на

меня, на самом деле это был укрытый тюк с вещами. Когда негодяи поняли в чем дело было уже поздно, мой клинок, не встретив сопротивления, сразил двоих, с последним я вступил в поединок, вот – принц отдернул рукав, и показал шрам, почти у самого локтя, вот что оставил мне Назим, неверный слуга, перед тем, как пасть.

Джали вздохнула, глядя на шрам, а на лице Саида блистала мальчишеская гордость.

- А в следующую ночь нас ждал еще один неприятный сюрприз – другой мой слуга, Цевес, сбежал, вместе с одним из верблюдов. Так нас осталось трое – я, немой Хазар и верный Вази. Мы просто шли по пустыне, без цели, без ориентиров. Двигались по ночам, а днем ютились в шатре, спасаясь от палящего солнца под одинокими скальными выступами. В общем, было все-равно умру я, или останусь жить. Однажды, когда рассвет так же, как и сегодня, застал нас в пути, Хазар просто упал, и не мог дальше идти... и все. Никто даже не оглянулся. Мы шли и шли дальше, кажется, когда разбили шатер прямо на дюнах, мы... мы видели как он ползет, но ничего не сделали. Я тогда лег спать. Животное.

- Нет, такова Пустыня – возразил старик.

- На самом деле я и не жалею об этом... - принц нехорошо усмехнулся.

- Но как – голос старика гулким эхом отдался в зале – как вы сумели добраться досюда?

- Как... да не знаю я – юноша прильнул к кубку, и осушил его до дна – просто шли, как-то выживали, что-то ели... не знаю, не помню. Не помню, как и где оставили шатёр, не помню как умер наш верблюд. Так мутно и далеко все это. И сейчас... может быть, я просто валяюсь в бреду посреди песков, и мне грезится этот дом, и вы... так странно, да?

- Может быть – хранитель усмехнулся, и закрутил бороду – а может быть и нет?

- А может быть и нет... - повторил Саид.

Опять наступила тишина, все смотрели на пляшущий в чаше огонек. Их тени зажили собственной жизнью, вытянулись, и танцевали на стене, подрагивая в такт пламени.

Джали подсела совсем близко, наклонилась, волосы коснулись плеча юноши. Горячие дыхание обожгло ухо.

- Разве я не настоящая? – спросила Джали шепотом.

- Настоящая... - ответил принц, глядя в огонь. Девушка мягко улыбнулась, и покрепче стиснула его руку. Юноша улыбнулся ей в ответ, потом поглядел на старика.

- Я даже вечернюю молитву не сотворил сегодня, да на что лукавить? Уже много дней я не поминал Всевышнего, Он оставил меня давным-давно. Даже дома, во дворце, я не числился среди Его ревностных почитателей, никогда не слушал дворцовых пиррамов, а... - он уловил назревший вопрос Джали - ... пиррамы, это священники, пророки Алла, глаголющие Его устами и во имя Его. Отец очень их любил и постоянно слушался дурацких советов. Я и сейчас считаю, что все это бредни, и не будет Всевышний говорить устами толстомордого, увешанного золотом, мужика – принц замолчал.

- Спасибо тебе, Саид, что поведал о себе без утайки – голос старика заскрипел – Я уважаю честность, а ты – достойный юноша.

- Спасибо – улыбнулся принц – но я не заслуживаю такой похвалы.

- Ты хороший – Джали наполнила вином опустевший кубок Хранителя, а после – Саида.

- Не знаю... - принц махнул рукой, и отправил в рот горсть изюма.

- Хочу кое-что спросить, если это не смутит хозяина, конечно...

- Спрашивай что угодно, Саид, на все отвечу.

- А как вы живете тут с Джали? Далеко от всего мира, одни в песках. Даже не о том спрашиваю, как одиноко здесь, а о том, откуда вы доставляете пропитание? Вино, которое я пью? Вы сами удивлялись, почему мы смогли добраться к вашему дому, сюда ведь никто не заходил долгие годы?

Старик помолчал, пожевав челюстью. Он думал.

- Все дары моего дома, сушеные фрукты, вино, даже скатерть, которая расprostерта пред тобой, Саид, все это приносит Джали, моя служанка, и... - старик вздрогнул, словно внутри него что-то дёрнулось, и продолжил, уже тише - ... моя дочь.

Принц оглядел девушку, похожие черты и те же бездонные омуты глаз. Джали смущенно опустила взгляд.

- Это все... правда ты? – голос юноши едва не сорвался на крик, Джали молчала.

- Да – ответил за девушку старик – Джали – дева песков, она рождена здесь, и она знает Пути Пустыни, по которым ходит в город Халиф-Ата, на самой границе. Пятнадцать солнечных оборотов занимает ее путь туда, и двадцать один – обратно.

- Невозможно! Неужто у нее, как у обитателя эфира, есть крылья!? – принц перешел на крик, но скоро успокоился - Да и на крыльях, я сомневаюсь, что возможно преодолеть такое расстояние так скоро.

- Я же сказал – наигранно спокойным голосом, каким взрослые объясняют все детям – что Джали – Дева Пустыни, и пустынные Гении, Духи Пустыни – иначе, сопровождают и охраняют ее в этих походах. Таким ответом ты доволен, Саид?

- Да, почтенный Хранитель Старых Костей – принц ответил слегка раздраженно, он ненавидел менторский тон.

- Прости, если разгневал тебя, Саид – исправился старик – но это правда. Не считай ее ведьмой песка, Джали – моя дочь, молодая девушка, как и ты, из плоти и крови.

Принц почувствовал, как дрогнула ее рука у него на коленях, и накрыл своей ладонью.

- Живем мы скромно, уединенно. Я наблюдаю рассветы и закаты, понемногу все больше и больше предавая душу пескам. А Джали служит мне, вот и все – старик развел руками.

- Позвольте еще один вопрос – и принц продолжил, не дождавшись позволения – почему вы зоветесь Хранителем Старых Костей? Это... звание какое-то? Титул?

Старик замер, словно пораженный стрелой, всего несколько секунд глаза его бешено вращались, ища за что зацепиться. Потом он овладел собой, помолчал, пожевал челюстью

- Я расскажу это, и... покажу после завтрашнего рассвета, когда солнце будет сиять в выси небес. На то есть свои причины, Саид. Не раньше завтрашнего полудня.

- Да... хотя я и не понимаю, но верю вам – отозвался принц – знаете, может я слишком дерзок для гостя, попросившего ночлег. Но чего, а времени у нас точно много, ведь мне некуда дальше идти – он горько усмехнулся – это Конец.

- Это Конец – кивнул старик – Если пожелаешь – снова что-то дернулось внутри старого Хранителя – можешь остаться. Нас ждут долгие дни и ночи. Я отвык от людей, а образы всех, кого я знал, вместе с моим именем и памятью, поглотила безжалостная Пустыня. Ты поймешь и это Саид, только Джали не боится Пустыни.

- Почему?

- Я – Дева Песков – тихо ответила девушка

Старик кивнул

- Оставайся, Саид, я рад тебе – он, не дав юноше ответить, поднялся на ноги – Мне, старому, пора отдохнуть. Но – старик усмехнулся – вы молоды. Саид, я окажу тебе большую честь, и подарю самое большое сокровище, которое у меня есть - он лукаво улыбнулся – я позволяю тебе, Саид Хир Амад, провести ночь с моей дочерью Джалией, как мужчине с женщиной – не дождавшись ответа, очень быстро, старик спустился в отверстие, и, не оборачиваясь, скрылся во тьме.

Саид сидел, задумавшись, загипнотизированный огнём. Он думал, но огонь тут же с жадностью пожирал все его мысли, и уносил к потолку, вместе со сладковатым дымом, мягко окутавшим своей вуалью все вокруг. Джали завешала выходы в Ночь плотной тканью, теперь уже для того, чтобы сохранить тепло. Убрала кушанья и скатерти, приготовила ложе из подушек.

- Джали – принц улыбнулся, он, даже в самые важные и самые грустные моменты не имел привычки долго раздумывать и уходить внутрь себя – а что там, за аркой, которая была за спиной твоего отца? – глаза его загорелись мальчишеским огнём. – Покажешь мне?

Девушка покачала головой, и взяла уже развернувшегося к выходу принца за руку.

- Ну - Саид посмотрел на серьезное лицо девушки - прости, прости – он подошел поближе, Джали усадила его рядом с собой на подушку.

- И как ты терпишь своего отца? – выпалил принц, но девушка не смутилась – такая молодая, такая красивая – юноша провел тыльной стороной ладони по щеке неподвижно замершей девушки – и так далеко от всего мира, не одиноко?

Джали молчала.

Саид взял ее руку, провел пальцем от сгиба локтя, по тоненьким венкам, до ладони.

- Какие мягкие нежные у тебя руки, Джали – он поднял свои смеющиеся опьянённые глаза на девушку – ни у одной из самых знатных, самых богатейших красавиц нашего города нет таких мягких рук. Как же ты ходишь в Пустыню, и остаешься такой свежей, такой красиво... - Джали, с какой-то странной, слегка нездешней улыбкой остановила юношу, поднеся палец к его губам.

- Разве ты не понимаешь, Саид, время слов уже кончилось...

Горячее дыхание на губах. Мягкий поцелуй. Касание.

Саид подается вперед, она – назад, играя, уводит, смеется, срывая с себя синий покров.

Принц тянет руку, но находит пустоту. Девушка смеется, играет, пляшет, не позволяя к себе прикоснуться.

Платье сползает,

Сапфировой вуалью покров скользит по ее телу, обнажает

плечи, красивую грудь, и живот, мягкий, но плавный и гладкий.

Она рукой придерживает платье, у самых бедер, широких, видно как кости движутся под гладкой кожей.

Звонкий смех чаровницы сплетается с пьяным – у принца.

Она танцует, кружась среди дыма, в полутьме помещения, и тени ее танцуют вокруг, извиваясь.

Чёрные волосы струятся по телу,

Прядка шаловливо касается груди юноши, шеи, лица,

Он вскочил и подходит все ближе, она смеется,

Роняет вуаль, синей тряпочкой платье скользит по ногам.

Идеальное тело, там, где сходятся ноги, мягкие волосы струйкою дыма тянутся вверх.

Принц улыбается, а она лишь подходит, ласкает дыханьем, и гладит рукой,

Так они стоят, минуту-другую, и резко, с улыбкой

Она толкает его, принц падает на спину, в мягкий покров, и подушки.

Она наклоняется, едва касаясь тёмным упругим соском

Его губ.

Принц утопает в теплоте ее тела. Дыханье - одно, и глаза: его – жаркие, горящие угли, ее – бездонные, синие, как холод под-земья. Губы.

Прерывистое, жаркое дыхание, сердцебиение. Она дышит, дрожит, и проводит рукой по шрамам Саида.

Принц – тигр, из древнего рода, кидается, и валит добычу на спину,

Чёрные волосы, с синевой, разметало по красной подушке. Рот приоткрыт, улыбка, а в глазах – пустота. Он не видит, огнём опьяненный.

И гладит ее, и ласкает, к груди прижимаясь

Дерзко, и смущенно.

Вскрик, стон, улыбка, боль, дыхание -

Еще вся ночь впереди.

А старик тем временем ходит по кругу, ходит из стороны в сторону в своей пещере. Он беспокоен, мечется, как зверь в клетке. Падает на колени перед мирно журчащим подземным ручьем, и со злости бьет кулаком по полу, рвёт на себе бороду, запускает пятерню внутрь, и выдирает целые пряди волос. Смятение, и даже отчаяние читаются на его лице.

- Старый лжец... - выдыхает Хранитель на одном дыхании и затихает, жалкий, скрюченный на полу.

Одна слезинка для принца из далекой страны, кристально чистая, срывается с глаза, не знавшего слез, и катится по ложбинке у носа, словно ручей в пустыне. Срывается. Пусто.

Старик встает, глубоко вдыхает и успокаивается.

Пусто.

И все еще жжется в глазах.

Горячий полдень следующего дня.

- Пора – старик наклонился, и тронул плечо юноши, он был ниже его почти на голову – пора, Саид.

- О чем вы?

- Я покажу тебе – старик потер руки, и снова коснулся принца – покажу, и расскажу тебе всё. Ты спрашивал, почему я зовусь Хранителем Старых Костей, ты узнаешь ответ сейчас.

Принц растерянно огляделся, а Джали, все в том же синем наряде, сняла закрывающую третью арку материю. Старик взял юношу за руку, и повел. Напряжение внутри нарастало, уж слишком серьезен, даже мрачен был старик.

- А Джали пойдет с нами? – спросил он, ища поддержку в ее присутствии.

- Мне туда нельзя – покачала головой девушка, и отвернулась.

- Нельзя – подтвердил старик.

Третий выход вел в хорошо защищенное от ветра и песчаных бурь ущелье между двумя красными скалами. Солнце в зените, ровно над головой, так, что даже скалы не спасают от жара. Голову начинает припекать, Саид пожалел, что не взял никакого полотенца, или хотя бы тряпицы для головы, он хотел было развернуться, но старик крепко держал за руку, впившись в кожу сильными пальцами. Юноша еще раз оглянулся назад, и они остановились посреди пути, на грубых ступенях, выдолбленных в скале, и ведущих в ущелье. Несколько секунд, глаза в глаза, старик – непреклонен, даже жесток в своей бездушной синеве. Саид сломался и опустил взгляд, они двинулись дальше.

Слепящий песок ждет в конце ступеней, кажется, что он шелестит угрожающе, словно змей, подкарауливший добычу. Старик останавливается на границе скалы и песка. Саид щурит глаза. Жарко, слегка подтекает призма сознания – он видит мираж: будто по всему ущелью в песке, тут и там, в хаотичном порядке разбросаны абсолютно белые кости, в которых солнце нашло свое пристанище. Они мерцают и слепят, заигрывают. Нет – только песок, но вот, явственно виден обглоданный светилом череп, а там, у другой скалы – рёбра, и кости, отшлифованные песками безвременья. Старые кости повсюду, а ущелье широко: в ряд, между скалами, могут спокойно встать десять конных воинов шаха славного города Али-Ата. Только нет их в пустыне, а кости реальны.

- Посмотри – раздается голос старика под ухом.

Принц ступает на песок, который принимает его мягко, но шелестит под ногами чуждого существа, живого.

- Посмотри, их я храню – Хранитель ступает за принцем, поднимает череп, человеческий, небольшой, наверное – принадлежавший ребенку, подносит вплотную, дает подержать. Череп гладкий, горячий, что жжется.

- Сколько же их тут? – тихо произносит замороженный принц.

- Старых костей... - старик отошел чуть назад - ... бессчетно. Столько прожитых лет они подарили мне.

Юноша аккуратно положил детский череп в песок.

- И откуда они здесь, так далеко в пустыне? – он склонился над скелетом, зарытым в песке, почти целом.

- Саид – усмехнулся старик – Думаешь, тут всегда была одна лишь пустыня? Нет... она пришла потом, назло мне, и поглотила все: меня, мое имя, мою память. Я помню сквозь завесу прожитых веков лишь то, как пришли Пески.

Принц идет дальше по огромному пылающему могильнику.

- Не может быть – оборачивается он к старику через несколько секунд – не может быть – он смеется – не может быть того, что вы старше пустыни! – принц улыбается, но в душе ему не до смеха, слишком тревожно, и опять пелена, словно все – только сон.

- Я слишком стар, а Старые Кости – единственное, что у меня есть, единственное, что держит мое тело и разум, единственное, что отделяет меня от Пустыни. Она пожрала память, имя и душу Старого Хранителя Старых Костей... - старик замолкает. Саид долго, серьезно и пристально смотрит на него, и молчит.

- Мне жаль вас – наконец говорит он, оборачивается, и смотрит туда, где кончается ущелье. Воздух дрожит от жара.

- Не жалею меня – над самым ухом дрожит голос старика. Вспышка в глазах, всё стало ярче стократ, а потом потемнело. Тело обмякло, тепло разлилось под ребром, сначала тупая, потом нарастает и все сильнее чувствуется боль.

Хранитель Старых Костей резким движением вынул длинный кривой, тёмный, покрытый узором, серебряный кинжал из ребра принца. Тот рухнул на колени, тяжело дыша. Песок ударил в самое лицо. Горячий.

Саид понимает, что произошло. Оборачивается. Собрав все силы, рывок, поднимается, взметая песок, череп хрустнул под его ногой, хватается за бедро – пусто. Клинок забрали с вещами, а он о нем и не вспомнил ни разу. Старик легко уклоняется от слепых ударов принца.

Саид делает еще несколько шагов, потом идет по инерции, и слабость берет свое, резкая боль пронзает все тело, парализует. Неловко согнувшись Саид падает в песок, под ним хрустит, переламывается скелет, песок все ближе.

Найдя в себе силы, юноша садится, обхватив руками все тело. Старик-истукан, с суровым, словно лик Пустыни, лицом, и бездонными синими глазами под-земья, нависает над ним. Солнце слепит, оно накинulo на силуэт Хранителя тёмную мантию, чёрный ореол. Тяжело смотреть.

Злость и отчаяние кипят внутри. Но боль парализовала, не в силах пошевелиться.

- Зачем, зачем, зачем!? – задыхаясь в слепой злобе кричит Саид – Я убью тебя! В доме... - он стиснул зубы и дернулся, упал лицом в песок, снова поднялся – ... в доме своем убиваешь гостя, ублюдок, проклятый старик! Смердящая мразь!

Старик молчит.

- Я мог бы быть тебе сыном! Мужем твоей Джали... - что-то щелкнуло внутри – Джали! – принц, шатаясь, встал, это имя придало ему сил – Подлец! – он размахнулся, и снова старик ушел от удара, легко и непринужденно. Еще удар, еще – пустота, принц падает на колени.

- Джали! – кричит он истошно, отчаянно, но ущелье поглощает все звуки – Проклятье, проклятье... - Саид мечется, в полубреду еще долго, кричит, но потом понимает – старик улыбается. А разум его, как стекло, плавится все сильнее.

- Я бы мог быть тебе сыном – спокойней повторяет Саид севшим хриплым голосом – жить с тобой, скрашивать одиночество старости, быть мужем для Джали... а ты... ты... - принц стиснул кулаки.

- Я – Хранитель Старых Костей, я одинок – старик ответил, не дрогнув и мускулом – наедине с пустыней.

- А Джали, ты о ней подумал?

- Подними взгляд свой, и смотри. – старик отошел. За его спиной шла Джали, синее платье переливалось на солнце, и шарфик лёгкой вуалью струился вокруг плеч. Она – такой же скелет, как и другие, глазницы – пусты, кости – белы, сверкают на солнце, приближаясь. Внутри она – золотой песок, плод дикого волшебства, и струятся, словно слёзы из огромных пустынных глазниц, две песчаных струйки.

На руках чудовище несет мёртвого Вази. Голова карлика откинута, глаза остекленели, а рот и губы – в пене и крови.

Принц содрогается, память, играя, подкидывает урок, в далеких прохладных садах дворца, урок о ядах. Все: губы, зубы, колючка Гения, цветы, Джали – мешается в опаленном сознании.

- Джали когда-то была мне дочерью – голос старика выхватывает принца из темноты, возвращая и жар, и боль – а теперь она – Старая Кость в соитие с Песками Пустыни. Дева песков, бездушная, но прекрасная, правда? – хранитель лукаво улыбнулся – Венец моего творенья.

Саид тяжело дышит, вспоминая и ночь с Джали, ее дыхание, ее руки, нежные и живые, но память опять сворачивается в узел, словно издыхающий змий, подкидывая полузабытые воспоминания о женщинах разных, без лиц. Джали.

- Мне жаль тебя, Саид – проскрипел старик – но, таков мой путь, я храню Старые Кости, забирая у их прежних хозяев жизни, и проживая отпущенные им года, века, а может – тысячелетия? Сколько я прожил... - Хранитель улыбнулся - Возьму и тебя, чтобы мое созерцание Пустыни длилось дольше. Еще сотни рассветов и закатов... а когда кончится моя жизнь, от меня тоже останутся Старые Кости, но они принадлежат лишь ей, лишь Пустыне – слова старика шелестели, словно опавшие листья, словно песчаные струйки, текущие по черепу Джали.

Принц дрожит, не смотрит на старика, а только на ее платье, сапфировое, такое близкое, все еще носящее запах ее тела, живого тела. Которого уже давно нет, обман.

- Я дарю тебе право пожить еще немного, если это имеет для тебя смысл. Наслаждайся, юный принц. Это... - только сейчас ровный и суровый голос старика дрогнул – это Конец. – он развернулся и зашагал прочь.

Джали опустила рядом тело верного слуги. Принц хотел окликнуть ее, но издал лишь хрип, и упал лицом в песок. Рядом, почти коснувшись лица, прошелестело ее платье.

Жар и темнота слились воедино. Воспоминания играют, запутавшись в клубок.

Женщины с лицами Джали, отец, и мать – полузабытые, смеются, у них из глаз текут ручейки песка...

...горячий песок, боль, резкая, пронзает спицей при каждом движении.

Принц извивается в песке среди старых костей, в бреду агонии, один.

Старик, его синий тюрбан, и вода, чистая, синяя. Нет – это глаза Джали, она во дворце сидит рядом с ним, а он на троне отца. Отец с лицом старика, суровый, изгоняет в пустыню. Джали плачет...

Бред, долгий тягучий, липкий взял принца в свои объятия. Так бесконечно, целую жизнь, играют злые образы. Время остановилось, время остановилось, время остановилось...

Принц с трудом открывает глаза.

Песок. Ослепительно-чёрный,

И белые кости, холодные

Дыханье.

Песок. Ослепительно-белый,

И черные кости, горячие

Дыханье.

Застывшее небо над головой

Белое солнце сжигает дотла

Дыханье.

Кипящее небо над головой

Чёрное солнце застывшего льда

Это конец.